

Соб. Россия. — 1993. — 28 дек. — С. 6.

ДУША — ПЕВИЦА

О песнях, жизни и судьбе Татьяны Петровой

Вспоминаю все чаще —
это было со мной,
Как по улице нашей
шла девчонка с сумой,
Шла и пела чуть слышно,
выбиваясь из сил,
И голодный братишка
вслед за ней семенял.
Белые деревья,
чистые снега,
Белые деревья,
белые стога,
Белые деревни
у любой версты,
И на окнах белых —
белые кресты...

Мелодию вел чистый, сильный голос. Тревожный, страдающий. Словно выпевала певица израненную свою душу. И в холодном подмосковном клубе, где собрались сумрачные, ушедшие в себя люди, осознавшие наконец, что 4 октября в Москве расстреляли Россию, стояла тревожная тишина. А чистый женский голос, словно птица, трепетал, бился, терзая болью и тоской. Вставал образ России.

Откуда в ней такая самоотверженность, откуда столько душевных сил? — задавалась я вопросом, слушая Татьяну Петрову, а это пела она, и зная (мы только что пошептались за сценой), что она нездорова. В том разговоре Татьяна вдруг призналась: монарха Россия должна заслужить! А я подумала: а ведь приехала с нами на вечер «Советской России» в Ногинский избирательный округ, в поддержку коммуниста В. Чикина, главного редактора газеты, где он баллотировался в Государственную думу. Что это, двойственность?

— Нет, конечно, — объяснила Татьяна, чистая, искренняя душа, объяснила ясно и просто: я пою для людей. К вам приходят простые, обездоленные люди, как теперь вся Россия. И пока я нужна людям, я буду петь.

В день выборов по ТВ шел старый фильм о декабристах «Звезда пленительного счастья». И глядя на этих наших предшественников, подумалось в свете нашей новой российской жизни: нет, не сломать Россию. Вель жертвенность во имя народа — у русских в крови, в генах. Но обозначилось и другое — вместо Баталова, например, в фильме теперь зияет дыра. Нет образа, нет героя. Зачеркнул хороший артист свое творчество «хололяжем», как выразился Виктор Розов. Впрочем, как и все в Бетховенском зале: «Канделябром их Борис Николаевич, канделябром...»

А вышло-то по-другому: из орудий, из БТРов и танков... В последнее время в нашем народе пережито глубокое разочарование — сколько любимых актеров на переломе

российской истории оказались по-граждански несостоятельными. Это беспокоит и Татьяну Петрову.

— Моя мать, — рассказала она, — на выборах проголосовала, еле выговорила — за де-де-де-ре. Что это за партия такая, мама? — спрашиваю. А она мне — там три артиста! И я поняла: простые люди доверяют артистам. Им кажется, что если народный артист — так значит будет народным заступником, способен выразить народное чувство точно и правильно.

И, глубоко вздохнув, Татьяна подвела итог: в артисте гражданин должен соответствовать тому, что он делает в творчестве. А сейчас время требует самоотдачи. Ведь в нашем национальном характере, воспитанном православием, всегда ценились люди, способные пожертвовать собой ради высокой идеи, ради Отечества. И Татьяна стремится в творчестве выразить именно это. Оттого и в программе ее исполнения много циклов на стихи русских поэтов Сергея Есенина, Николая Рубцова, Бориса Передрева, Константина Сковорода. С последним — особая дружба. Она и выбирает его такие стихи, такую музыку, чтобы подчеркнуть можно было глубину национального русского характера, высветить его особые, яркие черты, его склонность к философской раздумчивости, многогранности чувств, высоте помыслов, чистоте восприятия жизни.

Чистые снега, чистые
снега.
Белые деревья, белые
стога.
Белые деревни у любой
версты,
И на окнах белых —
белые кресты.

— Когда я пою, — говорит Татьяна, — я вкладываю в эти слова все пережитое, все, что я поняла в жизни, всю любовь свою к людям. И я жду пробуждения души слушателя, надеюсь на отклики, теплое ответное, обязательно искреннее чувство. Думаю, что этим и жив настоящий исполнитель. В общении с теми, кто слушает тебя, понимает, и ты черпашешь силы на будущее.

Там, в холодном клубе Подмосковья, в районе, где стоят военные части, один одержимый человек старательно записывал песни Петровой. «О если бы вы знали, как слушают ее в армии. Это же наша, настоящая русская певица!» — говорил он, меняя кассеты.

Русская певица. Но сегодня нужно иметь большое мужество, чтобы так открыто

заявлять, что ты русская. «Как вы понимаете свою русскость, что в вас русское?» — спросила я Татьяну. Она задумалась. Подумав, ответила: «Русское то, что я сопротивляюсь этому нашествию на мой мир. — А потом добавила: — Я русская, потому что полностью разделяю все радости и все беды своего народа».

Сказала с почти детской доверчивостью, в искреннем убеждении, что будет правильно понято. Но разве впервые в России поет такая искренняя, чистая, высокая русская певица? Нет, конечно.

Традиции русского пения в нашей стране и сильные и богатые. Достаточно вспомнить Русланову... Много певиц характерного русского жанра подарила России и наша «эпоха» постперестройки. Да только случился конфуз — кто-то разом решил, что России теперь они не нужны, и русских певцов удалили подальше, заменили рекламой, поп-музыкой, роком. Не верится? А часто ли слышим мы русскую песню теперь? По радио, в телепрограммах, в залах концертов, да хотя бы в рекламе в метро, наконец? Не слышим. О целых программах ТВ и мечтать-то заказано!

Если же правду сказать, то готовились жить мы совсем по-иному, Татьяна Петрова, вступая в мир русской песни, ждала, что вовсе не так сложится ее судьба. «Закончила я, — рассказала она, —

музыкальное училище Ипполитова-Иванова. Было мне тогда 18 лет. И мой педагог Елена Константиновна Гидванова взяла меня за руку и привела в министерство культуры к зам. министра Кочеткову. Вот, говорит, у меня закончила курс эта курносая. Мала еще и мало учена. А учиться ей надо. Но где? Давайте открывать отделение народного сольного пения. И открыли! В Институте Гнесиных. Приняли нас тогда группу из трех человек, они и составили первый экспериментальный курс — Людмила Рюмина, Татьяна Синицына и я».

Педагог их, профессор, создатель и бессменный руководитель Русского сибирского народного хора Нина Константиновна Мешко воспитала певиц ярких, с ясно заявленной собственной линией в творчестве, сумевших открыть новые грани в познании тайнства народного творчества.

Мне бабушка давно говорила: сведумная ты у меня, Танюшка! И то правда, сведумная. И не эта ли ее сведумность и определила творческий почерк певицы? Столько в ней неожиданно светлого и серьезного. Вот, например, цикл на слова Марины Цветаевой. Не пели раньше этого жанра певицы. А сведумность откуда? Свобода самовыражения, достоинство?

Родилась Татьяна Петрова на Урале под Свердловском. «На каждом слове окает, все

«о», да «о», да «о», зато такого токаря не видывал никто... Помните песню «Уралочка»? Не была, однако, Татьяна токарем, но трудиться начала, как и положено испокон века в русских крестьянских семьях, с самого раннего детства. Первую «трудую книжку» получила в пятнадцать лет в ансамбле народной песни. Сказав это, Танюша зарделась от гордости, а потом вдруг загрустила, добавив: а теперь вот я безработная, «трудовая книжка» дома без дела лежит. То есть ни к каким госконцертам не приписана. И чиновники от культуры Татьяну вниманием не жалуют. Свою концертную деятельность строит она по своему разумению. В последние годы сложился надежный союз с фирмой «Классика». Но, к сожалению, работа эта всегда за границей, очень часто — в Японии.

— Я работаю с замечательными музыкантами, — рассказывает певица. — И гастрольи эти дают мне глубокое удовлетворение, потому что проходят всегда на очень высоком профессиональном уровне. В составе труппы — исполнители классической музыки, классический русский балет. И японцы чрезвычайно высоко ценят нашу работу. Последнее время я подготовила целую программу из романсов Рахманинова, на стихи Мережковского, Хлебникова, стала петь вокализ Рахманинова. Японцы не раз мне говорили: русские — великая нация, обогатившая мировую культуру так щедро, что им нужно поклоняться, учиться у них. И, кстати, в японских школах «проходят» русские песни «Эй, ухнем», «Катюша», «Дубинушка», «Мчитя тройка», «По диким степям Забайкалья». По их просьбе я стала исполнять эти песни, которые никогда раньше не пела. Там, в Японии, я записала их на пластинки. (Замечу в скобках: в России пластинки Т. Петровой не издают). Вот где достойное отношение к национальной народной культуре! — восхищается Татьяна. — Там, например, с особым трепетом относятся к актерам национального театра, которых поддерживает государство, относясь к ним, как к национальному достоянию.

Да, аксиома, подумалось мне, теперь напрочь забытая в России. И все же, откуда в Татьяне Петровой такое упорство и стойкость в борьбе за свою русскую самобытность? На этот вопрос она отвечает легко, и видно, что

давно и глубоко это ею осознано.

— Когда я подбираю репертуар, я прежде всего думаю о Слове, потому что «Вначале было Слово»... Оно должно прозвучать в песне. Особенно в наше страшное время, когда с каждым днем все чаще и чаще люди теряют способность друг друга понимать. Все меньше сегодня печатают русских стихов. И я понимаю: дыру эту черную песней надо закрыть.

В ней это от ясности, силы характера, от крепости русских корней. Значит, действительно ощущает себя народной заступницей. «Ой, не время нынче спать, православные...» Ведь это ее песня. Знаменитая теперь. Ее знает каждый русский, для которого Родина — главная боль и забота. Не звучала эта песня ни разу ни по радио, а тем более с телеэкрана, а знают ее все.

— А песню всюду перекрывают пути. Была фондовая запись с оркестром Некрасова — размагничена. А ведь я ее петь все время не могу. Тяжело это очень. Потому что песня чрезвычайно духовно насыщена, ее надо страдать. Недавно на вечере памяти Есенина я закончила выступление и уже уходила со сцены, но в первом ряду поднялся седой человек и протянул мне записку. В ней было сказано, что он просит меня спеть «Православную» — это любимая песня его сына, который погиб 3 октября. По-видимому, в «Останкино». Сразу все, что связано было с этим, нахлынуло на меня, и я поняла, что должна петь. Я запела, не заметила сначала, как совершенно неожиданно неожиданно бесшумно поднялся весь зал и стоя слушал песню...

Татьяна включила запись. — Послушайте, — сказала она. — Это записано в Японии.

«Вот мчитя тройка почтовая...» Я замерла. Почему-то вспомнилось детство. Помню, как вечерами я прибывалась к приемнику и погружалась в мир звучания голоса Неждановой, Обуховой, Леонаиды Масленниковой... О, каким необъяснимо красочным и богатым был этот мир грез. Сейчас здесь, в доме Татьяны Петровой, я вдруг поняла всю жестокость бездушного нашего мира, когда мы, русские, лишены права услышать по радио голос любимой певицы.

Я уходила потрясенная, и долго-долго в душе моей звучала удивительная мелодия песни Татьяны Петровой. Мне виделись бескрайние белые снега, белые березы, увенчанные снегом родные русские долины.

Галина ОРЕХАНОВА.